

DOI: 10.31857/S013038640011361-5

© 2020 г. Г. В. АЛЕКСАНДРОВ

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИНДЕЙЦЕВ НОВОЙ АНГЛИИ В НАРРАТИВНЫХ И ОФИЦИАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ XVII века

Александров Глеб Владимирович – старший научный сотрудник Международного центра антропологии, Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики (Москва, Россия).

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г.

E-mail: glaleksandrov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5377-4494

Аннотация. Соседство с коренными жителями Новой Англии оказало значительное влияние на развитие английских колоний в регионе. Индейцы были торговыми партнерами и союзниками, противниками и потенциальными адептами христианства. Влияние это часто недооценивается, в том числе и из-за того, что авторы письменных источников XVII–XVIII вв. уделяли взаимоотношениям с индейцами относительно немного внимания. В этих нарративах подробно рассматриваются конфликты с индейцами и лишь изредка встречаются мимолетные упоминания о повседневных контактах между представителями двух культур. В результате как в массовой культуре, так и до некоторой степени в исследовательской литературе сформировался образ колоний, в котором индейцы если и присутствуют, то исключительно на периферии, вдалеке от цивилизованных поселений англичан, а контакты с ними (будь то конфликты, заключение союзов или торговля) носят эпизодический характер. Несостоятельность этого образа становится очевидной при рассмотрении законодательных актов и других официальных документов колоний, а также «анналов» (records) колоний в целом и отдельных поселений. На основе этих ранних источников позже сложился своеобразный «миф» о якобы неизбежном исчезновении индейцев, о неспособности их культуры адаптироваться к современности, цивилизации и прогрессу. В данной статье сравнивается репрезентация индейцев в нарративных и в официальных источниках XVII в., рассматриваются причины «разрыва» между ними и влияние этих расхождений на сложившийся позже образ колониальной Америки, сыгравший свою роль в формировании американской культуры и идентичности, а также повлиявший на политику американских властей в отношении коренного населения.

Ключевые слова: Новая Англия, коренное население Америки, образ индейцев в трудах колонистов XVII в.

G. V. Aleksandrov

On the Representation of the Indians of New England in Narrative and Official Sources of the 17th century

Gleb Aleksandrov, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia).

E-mail: glaleksandrov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5377-4494

Abstract. The native peoples of New England had a significant and varied influence on the development of the English colonies in the region, as allies, trade partners, occasional adversaries, converts, and in a variety of other roles crucially important to the economic, political, and cultural

history of the colonies. This influence is, however, often underestimated, at least in part due to the authors of the 17th–18th century, from William Bradford to Cotton Mather, paying comparatively little attention to the native-colonial relations in their writings. As a result, the popular image of colonial New England, which persisted for a long time in scholarly writing and still persists in popular imagination today, was significantly distorted. The native people of the «wilderness», if present in this image at all, are pushed out into the wilderness surrounding the colonies, and any contact with them seems sporadic at best. This contradicts, however, the evidence provided by legal and other official documents produced in the colonies, such as town and colony records, which seem to indicate that native-colonial interactions were very much part of the daily life for most of the colonists. The author presents a comparison of native representation in narratives and in official sources, explores the reasons for the significant discrepancy between them and its implications for the development of the popular image of colonial New England, which played an important role in shaping American culture and identity.

Keywords: New England, Native Americans, image of Indians in the colonizers' works of 17th century.

Настоящая статья посвящена репрезентации взаимоотношений колонистов и коренного населения Новой Англии в различных типах источников XVII в. В массовой культуре сложился образ первых английских колоний в Новом Свете, особенно в Новой Англии. Образ этот сохраняет актуальность и сегодня – представления о героических первопроходцах-пилигримах, Мэйфлауэрское соглашение, первый День Благодарения прочно вошли в американскую культуру и стали ключевым элементом мифологизации истории страны. Образ отважных пилигримов, героически осваивающих дикую пустошь – «wilderness», населенную немногочисленными разрозненными группами «дикарей». Однако анализ источников достаточно ясно показывает, что с реальностью этот популярный образ имеет мало общего. Ключевая идея, лежащая в его основе, – ограниченность присутствия индейцев в жизни колоний, существование их исключительно на периферии колониального общества, прежде всего в чисто географическом смысле. Индейцы Новой Англии «живут» в массовом воображении исключительно «где-то там», в диких лесах, вдали от поселений англичан. Мы рассмотрим самый ранний период формирования этих представлений в колониальной литературе, первые десятилетия существования колоний Новой Англии. Авторы нарративных источников данного периода во многом сформировали представления о характере отношений колонистов и индейцев, распространившиеся как в массовой культуре, так и (в меньше степени) в исследовательской литературе.

Заселение Новой Англии англичанами началось в 1620 г., с основанием Нового Плимута. Впрочем, Плимут на всем протяжении XVII в. оставался небольшим поселением, влияние которого на жизнь окружающих индейских «племен» было не особенно значительным. Необходимо сразу уточнить, что политическое устройство разных групп индейцев Новой Англии было достаточно разнообразным, и в терминах современной политико-антропологической типологии речь идет о совершенно разных образованиях, от локальных групп до вождеств. В отечественной историографии для их общего обозначения традиционно используется понятие «племя», воспользуемся им и мы, но важно помнить, что речь не идет о «племени» как определенном типе социально-политической организации, это просто привычное обозначение любой общности индейцев.

Соседями англичан оказались «племена», говорившие преимущественно на алгонкинских языках. Всех их, впрочем, объединял сходный образ жизни – сочетание охоты и земледелия (вопреки стереотипам, сложившимся у колонистов еще до переселения в Новый Свет, земледелие было индейцам прекрасно известно и составляло одну из основ их хозяйственной деятельности), проживание относительно компактными группами, регулярные перемещения (например, массовые «поездки» к морю для обмена с жившими на берегу «племенами»). В целом сходны были и политические структуры. Хотя степень их консолидации различалась, власть даже в самых крупных и политически активных объединениях носила «традиционный» характер, основываясь прежде всего на личном

авторитете сахема. При неизбежных локальных различиях эти основные черты были общими для всех «племен» Новой Англии — вампаноаг (ближайших соседей и первых союзников Плимута), наррагансетов, пекотов и множества других групп. Заметно отличались от них лишь входившие в Союз Пяти Народов (Лигу ирокезов) могавки, которые жили несколько южнее, но сыграли значительную роль в истории Новой Англии. Их политическая организация была гораздо более структурированной и менее «пластичной», чем у большинства «племен» Новой Англии.

Основание Плимута, хотя и открывшее индейцам Новой Англии богатые возможности для торговли с англичанами, не особенно повлияло на их образ жизни в целом. Ситуация изменилась после основания в 1630 г. колонии Массачусетского залива и последовавшего вскоре «Великого Исхода» религиозных диссидентов-пуритан из Англии. Хотя Новая Англия привлекла относительно небольшой процент покинувших Европу переселенцев, в масштабах региона прирост населения Массачусетса оказался весьма значительным, и уже к концу 1630-х годов колония Массачусетского залива оказалась крупнейшим «европейским» политическим образованием в тех краях. По мере роста населения колонии расширялись, основывались новые — Коннектикут, Нью-Хейвен, Род-Айленд. Соответственно коренное население региона постепенно вытеснялось, индейские «племена» вынуждены были или подчиниться англичанам, отказавшись от своего суверенитета, или мигрировать на север или на запад. Кроме того, индейское население катастрофически сократилось в результате эпидемий конца 1610-х годов (по некоторым оценкам погибло до 80% населения)¹, а расширение колоний сопровождалось конфликтами. Пекотская война 1630-х годов и война Короля Филиппа 1675–1676 гг. подорвали силы индейцев Новой Англии. К концу XVII в., согласно общепринятому в историографии мнению, их остались считанные единицы, и никакой роли в дальнейшей истории колоний они уже не играли².

Отношения с индейцами, в первую очередь конфликты с ними, описаны в целом комплексе доступных нам материалов. Источников по истории Новой Англии множество. Прежде всего до нас дошло колоссальное количество документов — судебные записи и вообще документы как целых колоний, так и отдельных поселений за редким исключением сохранились в полном объеме, не говоря уж о законах, соглашениях, протоколах различных ассамблей.

Нам доступен и значительный массив нарративных источников. В первую очередь следует назвать труды Уильяма Брэдфорда и Джона Уинтропа³. В основе своей являющиеся скорее дневниками, чем «хрониками» в традиционном смысле, они мало похожи и на обычные дневниковые записи. Политические и религиозные деятели ранней Новой Англии чувствовали важность своей миссии в Новом Свете и вели дневники соответствующим образом. Они не думали, конечно, о будущем образовании США или даже о независимости колоний от Англии, но долг перед потомками, перед грядущими поколениями колонистов, которым необходим будет положительный пример, ощущали очень ясно. В результате их «дневники», «История поселения в Плимуте» Брэдфорда и «Журнал» Уинтропа практически лишены каких-либо личных размышлений, воспоминаний и наблюдений, зато скрупулезно излагают год за годом в мельчайших подробностях историю колоний — основание новых поселений, установление торговых связей, прибытие новых поселенцев из Англии. В них включены также тексты многочисленных писем и другие документы. История колоний изложена подробно, и хотя этим авторам

¹ См., например: *Cook S. The Significance of Disease in the Extinction of the New England Indians // Human Biology, 1973, vol. 45, no. 3, p. 485–508.*

² *After King Philip's War: Presence and Persistence in Indian New England. Ed. by C. G. Calloway. Hanover — London, 2000, p. 4.*

³ *Bradford W. History of Plymouth Plantation. Boston, 1852; Winthrop J. Winthrop's Journal. New York, 1908; idem. Winthrop Papers, vol. II. Boston, 1931.*

не чужда некоторая тенденциозность, в целом принято считать, что изложение точно и правдиво. Их примеру следовали и колониальные авторы следующих поколений. В результате событийный ряд жизни колоний на протяжении XVII в. нам известен достаточно хорошо. Но в рамках данной статьи нас будет интересовать то, о чем они *не* писали, т.е. взаимоотношения колоний с соседями-индейцами. На первый взгляд такое утверждение может показаться странным — тексты Брэдфорда, Уинтропа и их преемников пестрят упоминаниями об индейцах. Здесь и подробные описания первых контактов с коренными жителями региона, особенно у Брэдфорда⁴, и разобранные чуть ли не по дням события индейских войн, особенно у Уильяма Хаббарда⁵ и у Коттона и Инкриза Мэзеров, подробно описавших войну Короля Филиппа⁶, и периодические упоминания о заключении торговых и военных союзов.

Однако внимательное изучение источников позволяет выявить ряд особенностей. В первую очередь необходимо отметить, что упоминания об индейцах сосредоточены вокруг конкретных событий. Да, первый контакт с вампаноаг и заключение союза с ними в 1621 г. описаны у Брэдфорда детально. Но затем, до самой Пекотской войны (середина 1630-х годов) индейцы словно «исчезают». На 15 лет существования растущей колонии приходится всего несколько общих упоминаний о том, что такой-то купец отправился торговать с индейцами туда-то и там-то. Лишь мелкий конфликт между Скуанто и Хобомоком, двумя переводчиками и помощниками колонистов, жившими по крайней мере часть времени среди англичан, описан подробно⁷. Затем снова — несколько лет «тишины». Та же тенденция наблюдается и у Уинтропа. Конфликты рассмотрены подробно, торговля изредка упоминается, в остальном же индейцев словно и не существует. Авторы следующего поколения следуют примеру старших товарищей. В «Хронике индейских войн» Хаббарда периоду между Пекотской войной и войной Короля Филиппа посвящено всего несколько страниц. В целом же период с 1636 по 1676 г. — 40 лет! — сведен к одному предложению, «воцарились мир и взаимное дружелюбие»⁸. Труд Хаббарда был, конечно, посвящен в первую очередь именно индейским войнам, но примерно, что так же этот период выглядит и у остальных авторов. Коттон Мэзер, деятель в первую очередь религиозный, уделяет совсем немного внимания миссионерской деятельности колонистов — деятельность Джона Элиота, «апостола индейцев» и основание «молитвенных поселений», первые студенты-индейцы в недавно основанном Гарварде, все это либо рассматривается мимоходом (в основном в составе некролога Элиота), либо вообще едва упоминается⁹.

Подробно описываются, как уже говорилось, только конфликты с индейцами, а также проявления «вероломства» дикарей, регулярно нарушающих заключенные с колониями соглашения — «вероломные» становится одним из наиболее распространенных описаний «дикарей»¹⁰. В результате в сознании колонистов все более укреплялось представление о фундаментальной неспособности индейцев жить в соответствии с принципами цивилизованного общества, об их «социальной неполноценности» и врожденной ненадежности. Если индейцы и проявляют симпатию к колонистам, стремятся им помочь или хотя бы вопреки своей природе блюдут слово — это, по мнению колонистов, результат особого расположения и личного вмешательства Всевышнего, смягчившего сердца свирепых туземцев¹¹.

⁴ *Bradford W.* Op. cit., p. 93–94.

⁵ *Hubbard W.* A Narrative of the Indian Wars in New England. Stockbridge (MA), 1803.

⁶ *Mather I., Mather C.* The History of King Philip's War. Boston, 1862.

⁷ *Bradford W.* Op. cit., p. 113–114.

⁸ *Hubbard W.* Op. cit., p. 51–57.

⁹ *Mather C.* Magnalia Christi Americana, vol. 1. Hartford, 1855.

¹⁰ Подробнее см., к примеру: *Cave A.* Lethal Encounters. Englishmen and Indians in Colonial Virginia. Oxford, 2011, p. 25.

¹¹ *Mason J.* A Brief History of the Pequot War. Bedford (MA), 2009, p. 19; *Bradford W.* Op. cit., p. 98, 105; *Cave A.* Lethal Encounters, p. 50–51.

В целом на основе нарративных источников складывается вполне законченный образ колоний как поселений в дикой «пустоши», где отважные пилигримы и их достойные потомки строят свой Град Божий и борются с суровой природой и обитающими в непроходимых лесах кровожадными дикарями. Да, иногда Господь вразумляет дикарей, и они оказывают колонистам некоторую помощь, а торговля с ними приносит определенный доход, но они остаются «где-то там», в непроходимых лесах, за окраиной цивилизованного мира, представленного колониями. Именно этот образ пилигримов-первопроходцев прочно вошел в американскую культуру и стал одной из основ национального мифотворчества.

Однако обращение к официальным источникам, законодательству колоний, позволяет предположить, что отношения с индейцами были гораздо более тесными. Определенные сомнения в достоверности «официальной» картины вызывает и изучение судебных материалов, и даже переписки и дневников, но уже действительно личных, а не написанных в наставление потомкам.

Англичане сочли нужным сформулировать законодательную базу индейско-английских браков, запретить индейцам, жившим в городах, шуметь по субботам во время церковной службы, ограничить доступ в жилища колонистов и др. Присутствие где-то на периферии колоний враждебных дикарей не требовало ничего из перечисленного. И дело не ограничивалось законодательными запретами. Индейцы, жившие в английских поселениях, служили в ополчении; индейцы, наравне с охотниками-англичанами, получали плату за отстрел волков и т.д. В Дэдхеме индеец Эфраим платил налоги и участвовал в строительстве дороги и молитвенного дома (meeting house) наравне с англичанами¹². Уже в начале 1630-х годов власти Массачусетса начали регулировать порядок найма индейцев на работу (для этого требовалось специальное разрешение, а целью мероприятия было ограничение числа живущих в Бостоне индейцев) и ограничить их долю в уплате налогов (видимо, чтобы ограничить соответственно и возможности претендовать на положенную полноправным жителям колоний материальную помощь в сложной ситуации)¹³. В Массачусетсе власти обязали индейцев стучаться, входя в дома англичан. Речь шла отнюдь не о единичных случаях, что подтверждают документы местных судов Массачусетса и Коннектикута, где неоднократно рассматривались жалобы на «вторжения» индейцев в жилища соседей-англичан¹⁴. В Провиденсе и Ньюпорте в середине 1670-х годов местным властям пришлось законодательно «выселить» индейцев, принудив их «вернуться в вигвамы»¹⁵.

Индейцы часто работали на англичан — в качестве домашних слуг, батраков, наемных охотников (даже печатником у Джона Элиота был индеец). Часть этих работников, безусловно, составляли военнопленные. Потерпевшие поражение в первой из «индейских войн» пекоты практически перестали существовать как самостоятельная группа. Часть пленных отправилась к мохеганам и наррагансетам, часть была продана в рабство на Карибы — именно продажа захваченных во время Пекотской войны индейцев положила начало работорговле в Новой Англии, составившей одну из основ благосостояния региона в следующем столетии. Но многие, прежде всего женщины и дети, остались

¹² Records of the Governor and Company of the Massachusetts Bay in New England. Ed. by N. Shurtleff, vol. 1. Boston, 1853, p. 7, 197; vol. 2, p. 85, 103, 252; vol. 3, p. 140; vol. 4. Boston, 1854, p. 86, 257; vol. 11. Boston, 1857, p. 66, 184; The Early Records of the Town of Dedham, Massachusetts. Ed. by D. Hill, vol. 4. Dedham (MA), 1894, p. 170, 208, 210, 212.

¹³ Newell M. Brethren by Nature: New England Indians, Colonists, and the Origins of American Slavery. Ithaca, 2015, p. 43–44.

¹⁴ Records of the Governor..., vol. 3, p. 6; Records of the Governor and Company of the Massachusetts Bay in New England. Ed. by G. F. Dow, vol. 5, p. 70–72; vol. 6. Salem (MA), 1916–1917, p. 295.

¹⁵ Records of the Colony of Rhode Island and Providence Plantations in New England. Ed. by J. R. Bartlett. Providence, 1856, p. 82.

в Новой Англии в качестве, в основном, домашней прислуги¹⁶. Но даже если бы все племя пекотов в полном составе осталось прислугой в колониях, общего количества работников-индейцев это не объяснило бы. Тем более что рабам-пленникам вряд ли полагалась плата, а большинству слуг-индейцев, не говоря уже о батраках и охотниках, всё же платили. Судить о точном количестве индейцев, постоянно контактировавших или даже живших с англичанами, сложно, но, судя по всему, уже к концу Пекотской войны даже вне «молитвенных поселений» индейцы присутствовали в жизни колонистов постоянно — как, впрочем, и позже, в XVIII и даже XIX вв., когда, согласно нарративным источникам, никаких индейцев в Новой Англии уже давно не было. На острове Нантакет, ставшем со временем важным центром китобойной индустрии, индейцы составляли значительную часть китобойных команд¹⁷. Даже сам процесс расширения колоний определялся отчасти соседством с индейцами. «Дикие» земли Новой Англии пронизывала целая сеть индейских троп, по которым и перемещались колонисты при основании новых поселений. Дороги эти были хоть и не мощеными, но утоптаннами и достаточно широкими, и сегодня на их месте проложены некоторые из крупных шоссе на территории Новой Англии¹⁸.

Показательны и многочисленные случаи покупки индейских земель. В некоторых случаях владельцы королевских патентов на определенные земли выкупали их у коренных жителей «централизованно», действуя через сахемов, практически на «государственном» уровне. Но известны и случаи, когда отдельные колонисты покупали землю у индейцев, желая либо переселиться на новое место, либо, что особенно важно в контексте нашей темы, расширить свои владения. В таких случаях земля покупалась не у относительно условного «племени», которое вроде бы ею владело, даже если в данный момент никто на этой земле не обитал, а у вполне конкретных соседей, у индейцев, живших либо в границах английского поселения, либо в непосредственной близости от него, зачастую на протяжении уже нескольких поколений. Так, именно ближайшим соседям продала свой участок земли дочь сахема Пассаконовая вскоре после его смерти¹⁹.

Контакты между индейцами и колонистами носили постоянный и повсеместный характер. Даже в открытых конфликтах, Пекотской войне и войне Короля Филиппа, победу колонистам обеспечивало не военное превосходство как таковое, а в первую очередь наличие многочисленных индейских союзников²⁰. Интенсивность межкультурных контактов и значимость связей была столь высока, что некоторые исследователи считают возможным говорить о едином «сообществе» (community) Новой Англии (не уточняя, впрочем, природы этого сообщества)²¹. Безусловно, речь не идет ни о «смешивании» двух культур, ни о зависимости индейцев от колонистов (по крайней мере не в XVII в., на протяжении которого большинство групп индейцев, даже союзных англичанам, сохраняли политическое единство и автономию в решении как минимум «внутренних» вопросов). Традиционная картина цивилизованного колониального центра и существующих на периферии немногочисленных групп индейцев, которых ждут ассимиляция или уничтожение, очевидно, имеет мало общего с реальностью.

Таким образом, изучение официальных источников позволяет если не утверждать, то, по крайней мере, с немалой долей уверенности предполагать, что соседство с индейцами было

---

¹⁶ *Kupperman K.* Providence Island, 1630–1641: The Other Puritan Colony. Cambridge, 1995, p. 172; *Fickes M.* «They Could Not Endure That Yoke»: The Captivity of Pequot Women and Children after the War of 1637 // *The New England Quarterly*, vol. 73, no. 1, 2000, p. 58–81.

¹⁷ *Vickers D.* The First Whalers of Nantucket // *After King Philip's War...*, p. 90–114.

¹⁸ *Russell H.* Indian New England Before the Mayflower. Hanover — London, 1983, p. 203–205.

¹⁹ Подробнее см.: *Richter D.* Trade, Land, Power. The Struggle for Eastern North America. Philadelphia, 2013.

²⁰ См., например: *Cave A.* The Pequot War. Amherst, 1996; *Drake J. D.* King Philip's War: Civil War in New England, 1675–1676. Amherst, 1999.

²¹ *Drake J. D.* Op. cit., p. 1–15.

весьма тесным, а взаимодействие с ними являлось неотъемлемой частью повседневной жизни колоний. Несмотря на все страхи колонистов, которые ассоциировали индейцев с дикой природой, две культуры существовали бок о бок. Индейцы вовсе не обретались «за окраиной» цивилизации. Отдельного упоминания в связи с этим заслуживает ситуация, сложившаяся в Новой Англии накануне Войны Короля Филиппа. В историографии этот конфликт часто представляется как последняя вспышка сопротивления коренных жителей Новой Англии неконтролируемому расширению английских колоний, чьи жители вытесняли индейцев с их земель. Безусловно, элемент сопротивления росту колоний присутствовал, но интересно отметить, что и земли самого Филиппа, и территории многих союзников англичан находились в непосредственной близости от старейших поселений колонистов и довольно далеко от новых поселений, от «фронта» как такового. До начала конфликта Филипп и его сторонники жили бок о бок с колонистами на протяжении нескольких десятилетий. На деле провести четкую границу между «освоенной» англичанами территорией и «дикими» землями индейцев оказывается невозможно — многочисленные, независимые и сохраняющие в целом традиционный образ жизни группы индейцев продолжали существовать в «цивилизованной» Новой Англии.

На наш взгляд, интересно не столько само по себе более тесное, чем принято считать, сосуществование с индейцами, сколько механизм, благодаря которому сложились представления о нем.

Созданный первыми авторами нарративных источников образ оказался слишком привлекательным, чтобы от него отказываться. Нам сложно судить, создавался ли он сознательно с самого начала. Допустимо предположение, что для Брэдфорда и Уинтропа тесное соседство с индейцами являлось неотъемлемой частью жизни колоний, и они не считали нужным о нем упоминать, а вот конфликты разбирали подробно и в деталях — именно потому, что конфликты были исключением, нарушением нормального хода вещей. Но уже авторы второго и третьего поколений, вполне сознательно создавали «героический» образ своих предшественников, первопроходцев-пилигримов²². «Отсутствие» индейцев стало ключевой его составляющей, наравне с представлениями о религиозности и твердости в вере основателей колоний. Зачем понадобился этот образ самим авторам, не вполне ясно, но, на наш взгляд, его появление связано со своеобразным «кризисом идентичности» второго и третьего поколений колонистов²³. Колонистов первого поколения объединяли специфическая религиозность, принадлежность к определенным протестантским деноминациям (не тождественным, пуритане Массачусетса и конгрегационалисты Плимута по-разному трактовали некоторые вопросы догматики, но все же очень близким). Не меньшую роль сыграл и сам опыт переселения в Новый Свет, отказа от привычного образа жизни и рискованного путешествия за океан, в «пустошь» — опыт, общий для всего поколения. Следующие поколения уже не имели этого объединяющего опыта, религиозное единообразие колоний также со временем несколько «разбавилось». Колонистам не хватало идеологического единства, которым отличалось поколение их отцов и дедов. Неудивительно, что причины многих внешних и внутренних кризисов, постигавших Новую Англию, видели в несоответствии нынешнего поколения высоким стандартам поколения предыдущего. При этом образ «первопроходцев», который пуританские проповедники второй половины XVII в. ставили в пример современникам, неизбежно героизировался и приобретал черты почти мифологические — именно таким он и нужен был, чтобы выполнять свою назидательно-воспитательную функцию.

Со временем этот образ стал одним из ключевых в мифологии основания США. Но, чтобы он сохранял свою привлекательность, индейцы в нем должны были оставаться

²² Anderson V. D. *New England's Generation*. Cambridge — New York, 1991, p. 178, 195–196, 198–200; Pestana C. G. *Protestant Empire. Religion and the Making of the British Atlantic World*. Philadelphia, 2009, p. 132–133.

²³ Anderson V. D. *Op. cit.*, p. 178, 191–193, 197.

в роли вечного «другого», вытесненного на обочину цивилизованного мира и, соответственно, на обочину истории. Со временем, в начале XVIII в., индейцы Новой Англии «исчезнут» из источников окончательно, и общепринятым станет представление о том, что они перестали существовать²⁴. Представления об ограниченности взаимодействия с индейцами в первые десятилетия существования колоний и о последующем «исчезновении» коренного населения оказались столь устойчивыми, что на них часто опирались и специалисты по ранней истории Новой Англии. Применительно к XVII в. официальные источники становятся не только способом подтвердить те или иные факты, отраженные в источниках нарративных, или проанализировать правовую культуру колоний. Они позволяют «обойти» устоявшийся нарратив, по сей день сохраняющий актуальность и в массовой и отчасти в академической культуре.

Так, многие исследователи, рассматривая историю Новой Англии, обращаются к концепции фронта. И сам термин, и идея фронта, безусловно важная для американской историографической традиции, неоднократно переосмысливались, современные их интерпретации значительно отличаются от классических²⁵. Тем не менее сам факт появления все новых работ в русле этой концепции прекрасно иллюстрирует ее «живучесть». Но при всей плодотворности идеи фронта как зоны постоянного межкультурного контакта и обмена, она все же основана на четком разделении «английской» и «индейской» Новой Англии. Такое разделение полностью соответствует картине, которую создают нарративные источники, но источники официального характера заставляют усомниться в его правомерности.

Еще одна проблема, связанная, на наш взгляд, с особенностями «оптики» первых колониальных авторов, с их стремлением «вычеркнуть» индейцев из панорамы жизни Новой Англии, — проблема мифа об «исчезающем индейце» (*vanishing Indian*). Так обычно обозначается более или менее осознанное представление о том, что культура коренного населения Америки по самой сути своей не способна существовать в современном цивилизованном мире и при столкновении с ним «исчезает», проигрывая более «развитой» европейской. Те ее носители, которые каким-то образом смогли сохранить ее до современности, оказываются не более чем пережитком, случайно уцелевшим артефактом общности, давно переставшей существовать. Их можно жалеть, ими даже можно восхищаться, но самостоятельной истории они не имеют и иметь не могут. Сентиментально-сочувственное изображение «угасания» индейцев стало, по сути, оправданием «естественного» доминирования англо-американской культуры.

На сегодняшний день эта идея не принимается в научном сообществе всерьез, иллюзорность самого «исчезновения» индейцев подробно изучена, как и механизмы функционирования данного «мифа», его использования властными структурами. В работе Л. Стивенс прекрасно разобрано все многообразие путей влияния этого мифа на современную Америку, от политики (например, современных движений в защиту окружающей среды и отдельных избирательных кампаний демократов) до популярной культуры (достаточно вспомнить фильмы Оливера Стоуна). «Символизирующий завоевание, образ умирающего индейца рационализировал его, печальная картина неизбежного угасания избавляла от вины»²⁶.

При этом проблема происхождения, формирования этого своеобразного культурного мифа остается нерешенной, и большинство пишущих о нем авторов обходят вопрос происхождения стороной. Л. Стивенс посвящает этой проблеме отдельную главу²⁷, но главным «источником» мифа об «исчезающем индейце» считает работы миссионеров

²⁴ After King Philip's War...

²⁵ См., например: *Haefeli E., Sweeney K. Revisiting The Redeemed Captive: New Perspectives on the 1704 Attack on Deerfield // Ibid.*, p. 29–72; *Vaughan A. New England Frontier. Puritans and Indians, 1620–1675*. Norman, 1995; *Grandjean K. American Passage: the Communications Frontier in Early New England*. Cambridge, 2015; *Saxine I. Properties of Empire: Indians, Colonists and Land Speculators on the New England Frontier*. New York, 2019.

²⁶ *Stevens L. The Poor Indians: British Missionaries, Native Americans, and Colonial Sensibility*. Philadelphia, 2004, p. 161.

²⁷ *Ibid.*, p. 160–194.

XVIII в., причем используется соответствующий образный ряд именно с целью идеологического оправдания экспансии. На наш взгляд, формирование этого мифа (или тропа, как его иногда называют) непосредственно связано со спецификой ранних колониальных нарративов. Если бы в «хрониках» первых колонистов были отражены отношения с индейцами во всей их полноте, если бы образ пилигримов-первопроходцев не формировался так тщательно, выстроить картину неизбежного упадка и исчезновения индейцев миссионерам XVIII в. было бы значительно сложнее. Авторы XVII в. создали, пусть и непреднамеренно, идеальную «историческую» основу именно для такой концепции отношения культур.

Влияние «оптики» колониальных авторов, позволившей им «исключить» индейцев из истории пилигримов, не ограничивалось восприятием событий XVII в., да и индейцев вообще. Американская культура в силу исторических обстоятельств сталкивалась с «другим» в разных его проявлениях постоянно — сначала с индейцами, затем с привезенными из Африки рабами, затем с иммигрантами, сыгравшими значительную роль в истории США. И тем не менее у Америки есть четкое представление о себе, о том, что такое «настоящая» Америка, белая, англосаксонская, протестантская. Речь идет не об академических исследованиях — хотя и в историографии до относительно недавнего времени существовал тот же образ, — а о массовом сознании, о коллективной исторической памяти. Индейцы оказались вытеснены на обочину истории не только в Новой Англии. Роль мигрантов-ирландцев в становлении промышленного Севера недооценивалась до последнего времени, роль мигрантов-китайцев в освоении Запада недооценивается до сих пор, вопрос места афроамериканцев в истории США остается актуальным. Обо всех этих группах — и возможно многих других — «забыли», потому что они не вписывались в представления о «правильной» Америке, как «забыли» об индейцах Новой Англии. «Забыли» не случайно, а в результате избирательности авторов ранних нарративов. На основе созданной ими картины и формировался в дальнейшем образ «исчезающих» индейцев, поглощенных распространением доминирующей англо-американской культуры. Образ этот, в свою очередь, стал идеологической основой и определенного мировоззрения, и вполне реальной политики, определившей и в значительной мере определяющей до сих пор место коренных американцев в культуре и обществе США.

Библиография/ References

- Anderson V. D.* New England's Generation. Cambridge — New York, 1991.
Bradford W. History of Plymouth Plantation. Boston, 1852.
Cave A. The Pequot War. Amherst, 1996.
Cave A. Lethal Encounters. Englishmen and Indians in Colonial Virginia. Oxford, 2011.
Cook S. The Significance of Disease in the Extinction of the New England Indians // Human Biology, 1973, vol. 45, no. 3, p. 485–508.
Drake J. D. King Philip's War: Civil War in New England, 1675–1676. Amherst, 1999.
Ficke M. «They Could Not Endure That Yoke»: The Captivity of Pequot Women and Children after the War of 1637 // The New England Quarterly, 2000, vol. 73, no. 1, p. 58–81.
Grandjean K. American passage: the communications frontier in early New England. Cambridge, 2015.
Haefeli E., Sweeney K. Revisting The Redeemed Captive: New Perspectives on the 1704 Attack on Deerfield // After King Philip's War: Presence and Persistence in Indian New England. Ed. by C. G. Callo-way. Hanover — London, 2000, p. 29–72.
Hubbard W. A Narrative of the Indian Wars in New England. Stockbridge (MA), 1803.
Kupperman K. Providence Island, 1630–1641: The Other Puritan Colony. Cambridge, 1995.
Mason J. A. Brief History of the Pequot War. Bedford (MA), 2009.
Mather C. Magnalia Christi Americana, vol. 1. Hartford, 1855.
Mather I., Mather C. The History of King Philip's War. Boston, 1862.
Newell M. Brethren by Nature: New England Indians, Colonists, and the Origins of American Slavery. Ithaca, 2015.
Pestana C. G. Protestant Empire. Religion and the Making of the British Atlantic World. Philadelphia, 2009.

- Records of the Colony of Rhode Island and Providence Plantations in New England. Ed. by J. R. Bartlett. Providence, 1856.
- Records and Files of the Quarterly Courts of Essex County Massachusetts. Ed. by G. F. Dow, vol. 5–6. Salem (MA), 1916–1917.
- Records of the Governor and Company of the Massachusetts Bay in New England. Ed. by N. Shurtleff, vol. 1–3. Boston, 1853; vol. 4. Boston, 1854; vol. 11. Boston, 1857.
- Richter D.* Trade, Land, Power. The Struggle for Eastern North America. Philadelphia, 2013.
- Russell H.* Indian New England Before the Mayflower. Hanover, London, 1983.
- Salisbury N.* Manitou and Providence: Indians, Europeans, and the making of New England 1500–1643. New York, 1982.
- Saxine I.* Properties of Empire: Indians, Colonists and Land Speculators on the New England Frontier. New York, 2019.
- Stevens L.* The Poor Indians: British Missionaries, Native Americans, and Colonial Sensibility. Philadelphia, 2004.
- The Early Records of the Town of Dedham, Massachusetts. Ed. by D. Hill, vol. 4. Dedham (MA), 1894.
- Vaughan A.* New England Frontier. Puritans and Indians, 1620–1675. Norman, 1995.
- Vickers D.* The First Whalers of Nantucket // After King Philip's War: Presence and Persistence in Indian New England. Ed. by C. G. Calloway. Hanover – London, 2000, p. 90–114.
- Winthrop J.* Winthrop Papers, vol. II. Boston, 1931.
- Winthrop J.* Winthrop's Journal. New York, 1908.